

«Учитель танцев» с секретом долголетия

Известия. — 1998. — 29 апреля. — с. 5.

«Сколько длится мужской век?» — с этим вопросом мы обратились к Владимиру Михайловичу Зельдину. В то, что народному артисту 83 года, поверить невозможно.

— Нет уж, голубчик, поверьте, — сказал Владимир Михайлович, — что вас смущает?

— Непонятно, как вы сохранили образ и состояние стройного джентльмена кавказской национальности из «Свинарки и пастуха»?.. И как сохранился этот испанский темперамент учителя танцев, который вы явили недавно на первоапрельском вечере «Музыканты шутят»?

— Это зависит не только от изначального характера человека, но и от того, как этот характер эксплуатировать. Любопытство — вот одно из качеств, которое, мне кажется, очень способствует если не омоложению, то отдалению старости в ее общепринятом виде. Я любопытен, меня интересует все происходящее и в театральном мире, и в жизни. Как только человек замыкается на себе и начинает прислушиваться не к пульсу жизни, а только к своему пульсу, к своему давлению, своему желудку — он нередко обнаруживает у себя то, чего и нет... Я как в студенческие годы ходил на все спектакли во все театры, так хожу и по сей день.

Мне на всю жизнь запомнились слова Михоэлса — «научить нельзя, научиться можно». Тем более что и режиссура, и постановки сегодняшнего дня иные, и если этого не наблюдать, а только лишь вспоминать под пледом — «ах, помню, раз Владимир Иванович...», то это основательно ускоряет процесс, о котором мы с вами говорим. Конечно, процесс, как известно, пошел, и даже последний акт этого спектакля изве-

стен, но пусть он все же будет без кислородных подушек, сразу после бурных аплодисментов...

Спорт — вот еще один мой партнер. Даже будучи уже на восьмом десятке, я играл в теннис, катался на водных лыжах... Кроме того, я всегда занимался станком. Не балетным, у меня был свой комплекс, который укреплял ноги, дыхание... После танца или фехтования на сцене надо произносить монолог, и тут уж запыхавшийся актер — жалкое зрелище. Конечно, кроме эпизодов, когда, допустим, вбегает Барон с криком: «На пустыре... там... Актер... удавился!» И то каждое слово должно ясно и понятно упасть в зал. Так что для меня станок не для наращивания бицепсов. И еще: я не пью и не курю. Никогда.

— А третий элемент этого ряда?

— С ним все в порядке. Не исключено, что в связи с отсутствием первых двух.

— Владимир Михайлович, многие актеры, игравшие в молодости социальных социалистических героев или просто «конфетные» роли с заранее заданной начинкой, с возрастом в своих новых работах обрели и глубину, «и божество, и вдохновение» — целый эмоциональный букет. Ведь и ваш Пастух тоже был в какой-то мере сладок по требованию времени. А ваш профессор Серебряков в «Дяде Ване» просто ошеломляет тончайшей филигранью. Это что — второе дыхание? Или это коньячный эффект — чем старше, тем крепче и ароматнее?

— Думаю, что второе. Актер с возрастом тоже вбирает в себя дубильные вещества нашей жизни, он просто обязан это делать. Если нет — это не драматиче-

ский актер, он может петь шлягеры под электрогитару. А в «Дяде Ване» Кончаловского у меня был просто алмазный венец: Бондарчук, Смоктуновский, Ирочка Мирошниченко и Ирочка Купченко, Пастухов, Анисимова-Вульф... Это была уже не игра, мы буквально жили в картине жизни Вани, Астрова, Сони, Серебрякова...

Мой учитель, блистательный профессор и режиссер Алексей Дмитриевич Попов, говорил: «Все надо черпать из жизни — то, что происходит с вами, с окружающими, фиксировать и укладывать в архив памяти», как сегодня загружают в компьютер. Он имел в виду все эмоции, в общем, да — «коньяк души моей». Хотя я и не пью, но такое аллегорическое сравнение приемлю. В молодости актер мог увлечь внешне, но с годами она меняется, проклятые бактерии нарушают кислотно-щелочной баланс, и зубов все меньше, массив шевелюры редеет до кондиции Лысой горы... На черных очах — очки +5,5. Но, естественно, теряя одно качество, необходимо накапливать другие — опыт, мастерство. Самое главное, чтобы в начале накопления этой коллекции эмоций вам попались талантливые учителя... Которые и сами прошли этот путь, знают его, как стальные зоры.

— Когда одну и ту же роль в одном и том же спектакле приходится играть настолько много лет, что меняется поколение зрителей, меняются ли трактовка роли и зрительское восприятие?

— Возможно, меняется в каких-то социальных пьесах. Мне не приходилось с этим сталкиваться. В спектакле «Учитель танцев» Лопе де Вега я сыграл более 1000 раз в течение 29 лет и

не менял трактовку. Реакция зрителей тоже не менялась: без малого три десятка лет в одних и тех же местах был смешок, смех, хохот, аплодисменты... Может, несколько сдержанней в провинции, но на одни и те же реплики. Даже при смене поколений в театре, как правило, ходят свои люди. Я далек от мысли, что театр никогда не пойдет болеть за «Спартак», а футбольный фанат не пойдет на «Юнону» и «Авось». Но в массе у театра свой зритель, у стадиона «Динамо» — свой, у стриптиза — тоже.

Вообще, что касается реакции, особенно первой, на стадии репетиций, то тут очень показательно отношение рабочих сцены: если они из-за кулис с любопытством смотрят и слушают — значит, «правильной дорогой идете, товарищи»... Если постояли и ушли — значит, что-то не то, имеется изъян... То ли в пьесе, то ли в постановке.

— Владимир Михайлович, поделитесь, какое было самое запоминающееся событие в вашей театральной жизни?

— Их множество...

— Нет, нет, одно. Но самое.

— Пожалуй, это премьера «Учителя танцев». Представьте, январь 1946 года, эйфория победы, с одной стороны, и послевоенная разруха, «черные кошки» и прочее — с другой. И в театре, да еще в каком, — Красной Армии ставят легкомысленную пьесу «Учитель танцев!» Никто не верил в успех спектакля. Но когда пошел занавес и публике явились дивные декорации и костюмы, стихи в переводе Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник, музыка Александра Крейна, атрибуты чего-то мирного, прекрасного и волшебного, то такого триумфа я в Москве не помню... И еще не забывая, что после премьеры

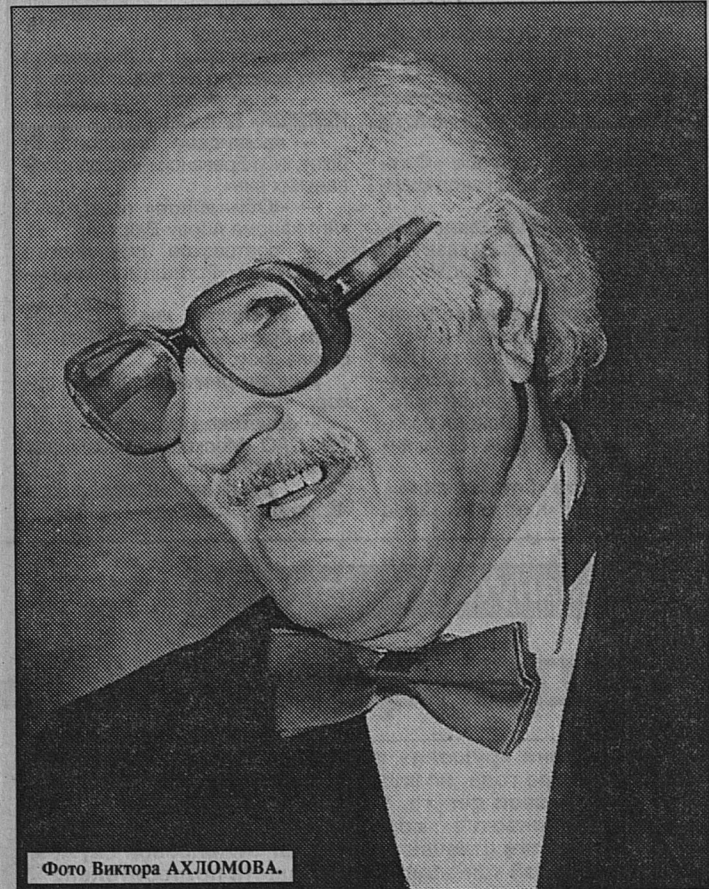

Фото Виктора АХЛОМОВА.

в эти голодные и холодные дни для всех участников были организованы бутерброды! Да, да, самые настоящие бутерброды с настоящей колбасой! Конечно, в нынешнее время бываешь на различных шикарных банкетах, юбилеях и презентациях с лангустами и банкирами... Однако те, неожиданные и явившиеся, как манна в пустыне, были событием. И хотелось наброситься и есть... Но мы сыграли эту трапезу, как аристократический фуршет у предводителя дворянства, — уважительно, но не спеша, почти лениво... Должен вам заметить: это исключительно трудное перевоплощение — воистину голодного в якобы сытого. Гораздо легче — наоборот.

Эликсира долголетия нет. Средство Макропулоса — тоже миф, блистательно разыгранный в фильме нестареющей (кстати) Людмилой Гурченко. Можно, видимо, пойти по пути доктора Фауста и связаться с Мефистофелем по бартеру — вы ему душу, он вам молодость на второй срок. Но проходит и второй срок, а душа бессмертна — сделка явно убыточна.

Сколько нам отведено, столько и живем, значит, мы пока нужнее здесь, а не там. И быть нужным как можно дольше — может, в этом и вся философия?

Юрий СОКОЛОВ,
«Известия».